

«Юйтанчунь» — название, составленное из сценических имен троих учеников одной школы: Сяо Юйлоу, Дуань Цзиньтана и Ичжичунь. В давние времена был невероятно популярный актер мужских ролей, сценическое имя которого было Ши Буянь.

Что? Ши Буянь, как в поговорке «во время еды не разговаривай»?

Нет!

Это Ши Буянь, как в строке «камень не может говорить — и это самая поэзия».

Говорят, Ши Буянь в юности изучил несколько приемов шаолиньского искусства, поэтому на сцене его игра была очень энергичной и наполненной боевыми навыками. Говорят, что он был действительно популярен, и в то время, чтобы пригласить его на выступление, одного богатства было мало — нужно было быть первостатейным аристократом, иначе в очереди не пролезть.

После того как Ши Буянь стал знаменитым, он неожиданно нашёл сестру, с которой был разлучён в детстве. К несчастью, она оказалась в публичном доме. Ши Буянь выкупил её, но спустя всего несколько дней она умерла, оставив дочь. Ши Буянь растил эту племянницу как зеницу ока, сам так и не женился, но взял на воспитание десятки мальчиков и девочек-сирот, спасая их от печальной участи и обучая ремеслу, чтобы они могли прокормиться.

Однажды, выступая на частном празднике, сын богатой семьи положил глаз на племянницу Ши Буяня. Одни говорили, что пытался изнасиловать, и в итоге убил, другие — что девушка, увидев богатство в доме, вспылала жадностью, и когда план провалился, от стыда и гнева покончила с собой. Так или иначе, она погибла. Ши Буянь, превозмогая боль, похоронил племянницу, а через несколько дней сам умер, харкая кровью. Оставшиеся дети разбрелись кто куда. Трое постарше взяли за это дело, продолжая растить остальных, так и появилось нынешнее «Юйтанчунь».

Эти трое учеников, более десяти лет жившие как одна семья и пережившие столько событий, кто бы мог подумать, что из-за истории Сяо Юйлоу и наследника маркиза Цзиньяна всё рухнет за одну ночь. Когда люди обсуждают это, не обходится без тяжелых вздохов.

Разошлись? Что это значит?

Кто знает. Говорят, на новогоднем обряде поклонения предкам труппы Ичжичунь и Дуань Цзиньтан не позволили Сяо Юйлоу даже встать перед алтарем. Ичжичунь заявила, что если Сяо Юйлоу не разорвет все связи с наследником маркиза Цзиньяна, то ей всю жизнь запрещено возвращаться в «Юйтанчунь». Ходят слухи, что в апреле или мае вся труппа переезжает в Сучжоу.

Если Сяо Юйлоу не найдет себе нового места, а «Юйтанчунь» уедет, она действительно останется одна, без опоры, вот она и потеряла голову, позабыв о своем статусе. Скажите сами: она всего лишь содержанка, как посмела явиться в дом и убивать другую содержанку? Разве у нее не медвежья храбрость?

Содержанка? Это вообще не дело содержанки! Это дело наследника! Это очень серьезно.

Насколько серьезно — никто не знал лучше Ань Шаохуа. По закону Сяо Юйлоу принадлежит к низшему сословию. Если представитель низшего сословия убивает представителя низшего сословия — наказание: сто пятьдесят ударов палкой и штраф в виде быка. Но если убита беременная женщина — это смертная казнь. И это еще в том случае, если Фан Сяньбо не

признает ребенка. Если же он признает его, то Цинпин становится наложницей низшего сословия, но ребенок переходит в сословие служилых. Тогда Сяо Юйлоу и все участники, если они из низшего сословия, подлежат казни через перерубание талии.

Повсюду говорили, что Сяо Юйлоу — жалкая потеря, ведь её мастерство в ролях воительницы-дан было изумительным! На неё смотришь и кажется, что она и на поле боя сгодится.

Когда эти люди наконец поймут, что сейчас не время думать о театральных ариях?

Ань Шаохуа потер переносицу. День выдался тяжелым, в душе царило беспокойство. Не мог понять, то ли ему просто досадно, то ли на душе тревожно. Инь Юнь заметил его рассеянность, заставил выпить несколько кубков и отправил домой.

Благодаря вину, дома он быстро уснул.

Утром Ань Шаохуа открыл глаза и уставился прямо на расписной потолок, на узоры «Пяти благословений» или «Всё по желанию» — эти картины не вызывали в душе ни капли радости, он смотрел на них, но не видел. Ань Шаохуа вдруг очень захотел увидеть Гу Мо. Казалось, если не увидит его прямо сейчас, случится что-то ужасное. На душе горел огонь, но он ломал голову и не мог придумать повод.

Несколько дней подряд он плохо спал, чувствовал головокружение и онемение в конечностях, не мог понять, спит он или бодрствует. Он просто лежал и думал о событиях сна. Одно за другим, они становились всё яснее и живее, словно он пережил их наяву.

Этот сон теперь стал наваждением, в котором Ань Шаохуа был заперт, словно человек, потерявший ориентацию из-за того, что слишком глубоко в этом участвовал.

Он тихо позвал слугу. Пора вставать, нужно найти себе занятие, чтобы не предаваться пустым мыслям в часы досуга. Он приказал Фугую заварить крепкий чай, чтобы проснуться. Хуаньси помогал Ань Шаохуа одеваться и умываться, тихо сообщая:

— Только что приходила Чжунюнь из покоев госпожи, просила вас и господина Гу направиться в Обитель Изыщной Речи для приветствия. Я справился, похоже, дело в праздничном представлении ко дню рождения старой госпожи...

Ань Шаохуа вдруг вспомнил:

— Хуаньси, а что ты делал вчера днем?

Хуаньси явно замешкался, потом почтительно ответил:

— Так точно, господин. Это была Цинъюань из покоев старшей госпожи, она попросила меня отнести деньги её приемному отцу на жизнь. Это в квартале Канлэ.

Ань Шаохуа на миг опешил. Цинъюань? Много лет назад он видел её один раз. Теперь уж точно не помнил лица. Смутно вспоминалось, что она была старше его всего на три-четыре года.

Когда старшая невестка выходила за Анна, она привела с собой четырех служанок из родительского дома. Когда она носила под сердцем Сестрицу Синь, она дала Ханьцуй и Даньше статус наложниц и отправила их в покои старшего брата. Но прошло всего несколько дней, как старший брат ушел на усмирение бандитов, а вернулся лишь спустя три-четыре месяца.

Смутно помнилось, что в тот день в доме было очень шумно, старший брат водил его сквозь толпу гостей. Поздравления гостей были как под копирку. В тот день старший брат выпил лишнего и настоял на том, чтобы спать с Ань Шаохуа в одной комнате. Ань Шаохуа чувствовал, что что-то не так, но не мог объяснить, что именно. К тому же он и правда скучал по старшему брату.

Не успели они лечь, как пришла старшая невестка, в тот раз с ней была Даньша. Невестка была красива, хоть и с большим животом, но с высокой причёской, в золотых шпильках и украшениях, от неё исходил аромат духов. Увидев Ань Шаохуа, она не задержалась, лишь дала несколько наставлений и ушла. А вот Даньша, слегка прикусив губу, смотрела на старшего брата, несколько раз хотела что-то сказать, но выглядела очень трогательно. В итоге она тоже ушла вслед за госпожой.

Многого из той ночи Ань Шаохуа не помнил, но почему-то не мог забыть яростный взгляд старшей невестки, когда она поворачивалась, чтобы уйти. Спустя много лет, вспоминая это, он всё ещё думал... наверное, это было детское восприятие, он ошибся. Старшая невестка была таким степенным и спокойным человеком.

Только старшая невестка ушла, как тут же прислала Цинъюань с отваром для отрезвления. Ань Шаохуа до сих пор помнил clearly: тогда Цинъюань было лет тринадцать-четырнадцать, она ещё не выросла. Хотя это было начало лета, ночью было прохладно, на Цинъюань была очень тонкая одежда, сквозь которую просвечивала посиневшая от холода кожа. В волосах у Цинъюань была одна золотая шпилька, тяжёлая, отчего её шея неестественно склонялась под тяжестью. Золотая шпилька ярко блестела, узор уже забыт, но помнится, что её вычурный, роскошный стиль совершенно не гармонировал с простой одеждой Цинъюань. Глаза у неё были красные по краям, явно она плакала, она держала чашу с отваром, дрожа и опустив глаза, а трясущиеся руки заставляли крышку чашки звенеть.

Ань Шаохуа помнил, что лицо старшего брата было мрачным, но не помнил, что он сказал, и как ушла Цинъюань.

В ту ночь старший брат не был пьян. Как Ань Шаохуа это знал, он и сам толком не мог сказать. Но он просто знал. Поэтому, увидев, что старший брат не выпил отвар, он не придавал этому значения. Вскоре после этого пришла мать. Старший брат лишь невнятно пробормотал, что Ханьцуй умерла, одна смерть — две жизни. Даньшу он не взял в наложницы и не собирался этого делать.

Почувствовав, что мать и старший брат подавлены, Ань Шаохуа тихо взял мать за руку. Мать смотрела на него со сложным выражением, гладила по голове и тихо сказала:

— Побудь с братом.

Автор хочет сказать:

Прежде всего, спасибо Сяо Сяошань за «мину» — это первый в моей жизни билет «Тирана»! Повод для радости!

Эту главу я изначально собиралась выпустить, когда дело с Сяо Юйлоу будет завершено, приведя всё в порядок. Но увидев, что у старого Вэя тоже прорвалась «первобытная сила» из-за билета «Тирана», я решила опубликовать главу сейчас.

В древности публичные дома имели очень строгую градацию. Также было разделение на северные и южные. На севере обычно были: малые труппы (малые труппы чистого пения),

чайные комнаты, низшие заведения и уличные проститутки. Первые два в основном продавали искусство, а не тело, хотя и не абсолютно. Тем, кому интересно, можете посмотреть блог старого Вэя (в колонке автора). Я делала репост.

<http://bllate.org/book/16674/1529326>